

1/2012

РЕЛИГИО ВЕДЕНИЕ

Научно-
теоретический
журнал

Религио ведение

ISSN 2072-8662
Key title: Religiovedenie

СОДЕРЖАНИЕ

Выходит 4 раза в год

№ 1 2012

Главный редактор

А.П. Забняко

Отв. секретарь

Е.С. Элбакян

Редакционная
коллегия

И.Л. Алексеев
П.В. Башарин
О.Ю. Васильева
И.П. Давыдов
И.Я. Кантеров
Ю.А. Кимелев
С.А. Мозговой
Н.Л. Мухелишвили
К.И. Никонов
Е.В. Орёл
Н.Н. Трубникова
С.В. Филонов
Н.В. Шабуров
М.М. Шахнович
И.Н. Яблоков

История религий

- Фишелев М.М.* «Жестокие» пастыри «Апокалипсиса животных». Элементы теодицеи в книге Видений 1 Еноха (1 Ен. 85-90) 3
- Селетев Н.Н.* От франков до нубийцев: арабоязычный коптский книжник об особенностях христианских сообществ (по рукописи Mingana Chr. Arab. 71) 7
- Колычева Е.Ю.* Взаимосвязь нравственности и экономики в суждениях раннехристианского мыслителя Климента Александрийского 15
- Шаповалова Е.В.* Из истории монастырской реформы во Франции в первой половине XVII в. (Расследование барона де Лобардемона) 20

Религии России

- Слепцов Ю.А.* Обряд погребения шаманов у эвенов Момского улуса Республики Саха (Якутия) 27
- Черниченко А.В.* Внепрофессиональная деятельность и облик приходского духовенства Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. 32
- Поляков А.Г.* Викторианское течение в Русской православной церкви: факторы распространения (конец 1927 – 1928 гг.) 38
- Погасий А.К.* Роль православных леворадикальных движений в церковных расколах 20-х гг. XX в. 47
- Глушаев А.Л.* Спецпоселенцы и религиозные движения Пермского Прикамья (1940 – 1950-е гг.) 50

Религии Востока

- Жабон Ю.Ж.* Тибетский буддизм: прошлое и настоящее 56
- Печерица В.Ф.* Влияние христианской церкви на общественно-политическую жизнь Республики Корея 68

Новые религиозные движения

- Тайване Э.* Международное Общество Сознания Кришны: К вопросу о рецепции бенгальского вайшнавизма на Западе (часть I) 80

Сравнительное религиоведение

- Муравьев В.В.* Эскариальные компоненты религиозных комплексов 89
- Переверзева И.А.* Духовно-академический теизм и французский религиозный модернизм: опыт сопоставления учения о душе 99

Философия религии

- Куляскина И.Ю. Проблема применения этической оценки при исследовании социальных явлений в русском философском теизме на рубеже XIX – XX вв. 105

Религиозная философия

- Фиалко М.М. Теория астрального света Элифаса Леви и ее истоки (часть первая) 114

Феноменология религии

- Петров А.М. Сакральная топография традиционной народно-православной культуры (по материалам русских духовных стихов) 120

Социология религии

- Дашковский П.К. Современные этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае 134

Религия и культура

- Забияко А.А. Религиозные традиции амурских эвенков в художественной этнографии Г.А. Федосеева 144
Казурова Н.В. Ислам и постреволюционный иранский кинематограф 164

Архив

- Дябкин И.А. Письма барона Р.Ф. Унгерна фон Штенберга (религиозные, философские и политические взгляды Унгерна) 172

Кругозор

- Первый конгресс российских исследователей религии «Религия в век науки» 185
Третья международная научно-практическая конференция «Буддизм Ваджраяны в России: исторический дискурс и сопредельные культуры» 187
Давыдов И.П. Рецензия на сборник статей «Научные и богословские эпистемологические парадигмы: историческая динамика и универсальные основания» / под ред. В. Поруса. – М.: ББИ св. ап. Андрея, 2009. – 271 с. 189
Contents 193
About the journal 199
Информация для подписчиков 200
К сведению авторов 203
Авторы номера 206

Study of Religion («Religiovedenie»)

Scientific and theoretical journal. Four volumes/year

Editor in chief: A.P. Zabiayko. Executive secretary: E.S. Elbakyan.

Editorial board: I.L. Alekseev, I.P. Davidov, P.V. Basharin, I.Ya. Kanterov, Yu.A. Kimelev, S.A. Mozgovoy, N.L. Muskhelishvili, K.I. Nikonov, E.V. Orel, N.N. Trubnikova, S.V. Filonov, N.V. Shaburov, M.M. Shahnovich, O.Y. Vasilieva, I.N. Yablokov.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки.

Сайт журнала: <http://www.amursu.ru/religio>

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. Рецензии на статьи высылаются по просьбе авторов, рукописи не возвращаются.

«ЖЕСТОКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИИ»

Аннотация к «Жестоким элементам традиции» (Эфиопская традиция) автором (или авторами) являются мифические существа, а не реальные страдания.

Ключевые слова: эсхатология, эсхатологические видения.

Книга Видения Эфиопского Енохиа, первое издание (83-84), а второе издание эсхатологическое.

Первое видение молится Богу и ангелам. В 83-й главе эсхатологический характер повторяет традицию ди многочисленных арамейском языке. 83-й и 84-й главы обнаружены в Псалтири первого видения среди обретенных пошедших по традиции книги.

Второе видение последующего видения Еноха и ангелов, которые являются праведникам.

Этот апокалипсический с Адама и до маккавейской до н.э.⁴. Более Храме, старый эсхатологический (это произошло).

Данную часть «Видения», так как Адама и до современности. Зооморфная истра представлены в Библии (1 Ен. 86:1).

Дашковский П.К.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ¹

Аннотация. Статья посвящена характеристике современной этноконфессиональной ситуации на территории Монгольского Алтая. В работе представлены итоги социологических опросов жителей Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Монголии, направленные на исследование взаимосвязи религиозного и этнического факторов в условиях модернизации монгольского общества. Проведенное исследование показало, что, несмотря на реализацию свободы совести и особенности современной государственно-церковной политики на территории Западной Монголии, доминирующими конфессиями здесь остаются буддизм (Ховдский аймак) и ислам (Баян-Ульгийский аймак), оказывающие важное влияние на культуру и образование населения. Кроме того, в последние годы зафиксировано активное проникновение протестантских миссионеров. Сходная тенденция на укрепление протестантского фактора отмечена и у других традиционных народов Центральной Азии и Южной Сибири – алтайцев, тувинцев, хакасов, бурятов.

Ключевые слова: этноконфессиональные процессы, Западная Монголия, государственно-церковная политика, новые религиозные движения, буддизм, ислам, протестантизм.

Центральная Азия, составной частью которой является Монголия, на протяжении многих столетий остается полиэтничным и поликонфессиональным регионом. Формирование шаманского комплекса верований на данной территории исследователи относят как минимум к эпохе неолита². С I тыс. до н.э. отмечается значительное влияние на мировоззрение кочевых народов иранского комплекса верований³. С началом новой эры и на протяжении последующих столетий, во многом благодаря функционированию Великого шелкового пути и формированию кочевых империй, активизировались буддийские, манихейские, несторианские, даосские миссионеры⁴. С эпохи позднего средневековья заметно усилились в регионе позиции ислама, хотя проникновение этой конфессии в регион происходило еще в предшествующий период⁵.

Современный период в истории как России, так и Монголии отмечен значительными преобразованиями в различных областях, в том числе в области национальной и государственно-религиозной политики. Отдельные этнические группы под лозунгом возрождения своей национальной культуры вступили в зону конфликтов, а религиозные конфессии стали активно вовлекаться в процесс преобразований не только духовного, но и социально-экономического и политического характера. В складывающихся условиях религиозного многообразия Центральной Азии большую роль играет проведение этноконфессионального мониторинга, задачу которого можно определить как изучение и анализ религиозных практик населения, отношения общества и государства к вопросам религии, причин и форм

межконфессиональной напряженности, появления религиозной нетерпимости, влияние религии на межнациональные отношения и т.п.⁶.

Следует подчеркнуть, что демократические реформы в Монголии и провозглашение свободы совести и вероисповедания в конце XX – начале XXI вв. не только открыли возможности активно возрождать традиционные для этого региона религии (шаманизм, буддизм и ислам), но и создали благоприятные условия для проникновения в страну новых религиозных движений. В результате в Монголии начала складываться новая религиозная ситуация. В настоящее время в этой стране существуют следующие конфессии: буддизм, христианство (католичество, православие, протестантизм), ислам, шаманизм, бахаизм. Ведут свою деятельность 215 религиозных приходов, в том числе 163 буддийских, 28 христианских, 22 мусульманских⁷.

С 2008 г. этноконфессиональный отряд Алтайского государственного университета под руководством автора данной статьи приступил к изучению истории религии народов, проживающих в Западной Монголии. Исследования проводятся в рамках реализации совместных научных проектов при поддержке грантов РГНФ и Министерства образования, культуры и науки Монголии. В ходе реализации проектов был проведен этноконфессиональный мониторинг в Баян-Ульгийском и Ховдском аймаках Монголии, находящихся на границе с Россией, Казахстаном и Китаем. Полученные результаты позволяют представить сравнительный анализ религиозных процессов, протекающих как в этих аймаках, так и в Западной Монголии в целом. Учитывая преобладание казахского и собственно монгольского населения соответственно в Баян-Ульгийском и Ховдском аймаках, можно достаточно хорошо проследить взаимосвязь этнических и религиозных факторов, влияющих на развитие современного монгольского общества.

Социологическое исследование в Монгольском Алтае проводилось нами в таком ракурсе, который позволял отследить религиозный состав населения в данном регионе, проблемы взаимоотношения между конфессиями, влияния религии на межнациональные отношения. Из 285 (100%) опрошенных в Баян-Ульгийском аймаке 264 человек (92,6%) считают себя верующими, а 21 (7,4%) отнесли себя к неверующим или не ответили на вопрос о своем вероисповедании. Очень большой процент верующих (94,7%) отмечается среди молодого поколения в возрасте от 16 до 21 года.

Особенности религиозной принадлежности жителей Баян-Ульгийского аймака видны из табл. 1.

Таблица 1

**Религиозная принадлежность жителей
Баян-Ульгийского аймака**

Религиозная принадлежность	% от общего числа опрошенных
Буддизм	11,2
Шаманизм	3,25
Ислам	73
Православие	0,4
Католицизм	0,4
Протестантизм	2,5
Христианство	0,4
Другое вероисповедание	0,4

Так, 73% опрошенных причисляют себя к последователям ислама, а чуть более 11% – к буддизму. Остальные конфессии имеют крайне малую степень распространения. Правда, нельзя не отметить заметное проникновение в последние три-четыре года протестантских церквей, которых ранее не было в Баян-Ульгийском аймаке. Показательно, что 2,5% респондентов считают себя протестантами.

Верующая часть Ховдского аймака составила 71,3% (107 человек) из 150 опрошенных (100%). При этом респонденты по конфессиональной принадлежности распределились в иной пропорции, чем в предыдущем аймаке (табл. 2).

Таблица 2

Религиозная принадлежность жителей Ховдского аймака

Религиозная принадлежность	% от общего числа опрошенных
Буддизм	64,5
Шаманизм	9,4
Ислам	15,9
Православие	1,9
Католицизм	0,9
Протестантизм	0,9
Другое вероисповедание	0,9
Не ответили на вопрос	5,6

Подавляющее большинство респондентов – 97 человек (64,7%) – отнесли себя к последователям буддизма, считая, что именно эта религия является национальной в Монголии. Такая тенденция вполне объяснима, поскольку в Ховдском аймаке, как и в большей части страны, исконно преобладали монголы, исповедовавшие буддизм. Показательно, что из 215 религиозных приходов, зарегистрированных в Монголии к концу 2000-х гг., 163 являлись буддийскими⁸.

Среди оставшейся части опрошенных 36 человек (24%) обозначили себя последователями шаманизма, 10 (6,6%) – тенгрианства, 2 (1,4%) – ислама. Только 5 человек (3,3%) не указали свою религиозную принадлежность.

О степени и глубине религиозности респондентов косвенно может свидетельствовать положительный ответ на вопрос о важности соблюдаемых религиозных обрядов, который дали 42,9% опрошенных в Ховдском аймаке. В Баян-Ульгийском аймаке этот показатель заметно выше. При этом наиболее важно соблюдение религиозных обрядов для жителей последнего аймака в возрасте от 16 до 21 года – 61,6%, а самый низкий уровень значимости обрядов в возрастной группе от 22 до 35 лет – 32,6%.

Заслуживает внимания другой аспект этноконфессионального взаимодействия, обусловленный межнациональными браками. Отношение жителей Баян-Ульгийского аймака к этому вопросу представлено в табл. 3.

Наиболее ревностно к сохранению национального единства относятся люди в возрасте 16–21 года, что хорошо видно по табл. 4. Именно они активнее всех высказываются против межнациональных браков, тогда как люди в возрасте от 46 до 60 лет не имеют ничего против многонациональных семей.

Сходная ситуация с межэтническими браками зафиксирована в Ховдском аймаке. В результате нашего исследования было установлено, что 89,3% (134 человека) опрошенных не имеют в своей семье представитель другой национальности. По вопросу об отношении к межнациональным бракам голоса респондентов разделились (табл. 5).

Таблица 3

Мнение жителей Баян-Ульгийского аймака о проблеме влияния межэтнических браков на развитие народов

Мнения респондентов	% от общего числа опрошенных
Разрушают нацию	18,9
Укрепляют согласие между народами	35,4
Не имеет значения	33,7
Не ответили	12

Таблица 4

Соотношение жителей разных возрастных категорий Баян-Ульгийского аймака, высказавшихся в поддержку моноэтнических браков

Возрастная подгруппа, лет	% от общего числа опрошенных
16-21	92,5
22-35	5,6
36-45	1,9

Таблица 5

Жители Ховдского аймака о проблеме влияния межэтнических браков на развитие народов

Мнения респондентов	% от общего числа опрошенных
Национальность в браке не имеет значения	44
Способствует укреплению согласия между народами	31,3
Межнациональные браки разрушают нацию	20
Не ответили	4,7

Достаточно большое количество респондентов (20%) негативно высказывается о межэтнических браках, полагая, что они разрушают этнос. Кроме того, 80 респондентов (53,3%) выступают против того, чтобы их ребенок вступил в брак с представителем другой национальности. Только 31 опрошенный (20,6%) отметил, что не против брака своего ребенка с лицом другой национальности. Примерно столько же – 37 человек (24,7%) – затруднились ответить на этот вопрос.

Следует отметить, что в условиях религиозного многообразия в Центральной Азии большую роль начинает играть исламский фактор⁹. В регионе идет интенсивный процесс возрождения ислама и, как известно, он оказывает сильное влияние на все сферы развития мусульманского общества. В Западной Монголии ислам исповедуют этнические казахи. Основная их масса проживает в Баян-Ульгийском аймаке и гораздо меньшая часть – в Ховдском. В ходе проведенного исследования в Ховдском аймаке только чуть более 10% от числа опрашиваемых идентифицируют себя с казахами. На вопрос о том, какую ассоциацию вызывает у опрашиваемых слово «ислам», 36% респондентов ответили «религиозный экстре-

мизм», 23,3% – «установление исламского правления», 22,7% – «терроризм», лишь 12% указывают на веротерпимость. Кроме того, 36% респондентов выступают против установления контактов с мусульманским миром, поскольку боятся разгула религиозного экстремизма на территории своего государства. Достаточно большая часть респондентов – 40% – высказывается против строительства мечетей и открытого отправления мусульманами своих обрядов в Ховдском аймаке. Однако следует заметить, что население аймака не имеет ничего против проживания в нем казахов и их вероисповедания: 54% респондентов не видят ничего особенного в том, чтобы посадить своего ребенка за одну парту с ребенком, исповедующим ислам. Только 14,7% от всех опрошенных ответили на этот вопрос отрицательно. Следует заметить, что население Монголии видит для себя угрозу в проникновении исламистов из других государств, а не в проживающих здесь казахах, традиционно исповедующих ислам.

Несмотря на то, что ислам является доминирующей в Баян-Ульгийском аймаке конфессией, слово «ислам» у 77 (27%) опрошенных вызывает ассоциации с религиозным экстремизмом, у 94 (33%) ассоциируется с установлением исламского правления. Нельзя не отметить, что ислам занимает первое место в оценке возникающих противоречий с представителями других вероисповеданий, что составляет 14% (40 человек) от общего числа опрошенных.

Результаты проведенного исследования в целом позволяют говорить о достаточно спокойной конфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке. Так, у 71,2% населения аймака (203 человека) отмечается отсутствие противоречий с представителями других вероисповеданий. В качестве основных причин противоречий на религиозной почве респондентами обозначены следующие: не нравится другая религия – 39,3% (112 человек), не нравится отношение к «моей религии» – 33,7% (96), не нравятся инокультурные обряды и то, что они другой национальности – 26,7% (76).

В силу сравнительной однородности населения как в национальном, так и в религиозном плане основная часть опрошенных (более 60%) никогда не испытывала ущемления своих прав из-за религиозной принадлежности. В целом, по мнению респондентов, существенного влияния на межнациональные конфликты религия не оказывает. Достаточно полно такую ситуацию демонстрирует табл. 6.

Таблица 6

Жители Баян-Ульгийского аймака о влиянии религии на этноконфессиональную ситуацию

Мнения респондентов	% от общего числа опрошенных
Утверждает мир и согласие	36,1
Способствует преодолению межнациональных конфликтов	25
Не оказывает существенного влияния	30
Способствует обострению межнациональных конфликтов	14,7
Противопоставляет людей, исповедующих разные религии	25,6
Не указали	8,8

Буддизм был доминирующей религией в Монголии в течение многих столетий, за это время здесь сложилась своя, национальная его форма. В силу политических событий в стране в первой половине XX в. буддийская сангха была практически уничтожена и первые шаги по ее восстановле-

нию были предприняты только в 90-х гг. Монгольская сангха оказалась в сложной ситуации: разрушены храмы, не хватает лам, религиозной литературы, материальных средств. К решению данной проблемы подключаются различные зарубежные буддийские фонды и организации (Тибетский фонд, Фонд мирного мира ламы Гангчена, Фонд сохранения традиции Махаяны). С их помощью открываются буддийские монастыри во многих сомонных центрах. Но эти фонды, основанные тибетскими ламами, распространяют учение тибетского буддизма совершенно новыми для Монголии методами, что связано в первую очередь с эмиграцией тибетских лам на Запад во второй половине XX в. и распространением там буддизма. Реагируя на состояние западного общества и учитывая особенности аудитории, тибетцы применяют различные формы реализации учения. Сегодня тибетский буддизм, складываясь в рамках западной культуры, сочетает в себе древние традиции Востока и современные ценности Запада, практику сосредоточения и стремление к быстрому результату, аскезу и комфорт¹⁰. Если в прошлом монголы знакомились с буддизмом, пришедшим из Тибета, то сейчас он идет еще и с Запада – при участии западных наставников и волонтеров.

Важно отметить, что отказ от подавления деятельности миссионеров и религиозных институтов, не входящих в круг опекаемых государством, был частично закреплен в «Концепции национальной безопасности Монголии» (1995 г.). В этой концепции в качестве одного из средств обеспечения благоденствия «монгольской цивилизации» было обозначено уважение к свободе совести и воздержание от вмешательства в дела религиозных организаций со стороны государства. В результате внешняя открытость монгольской политики, ее ориентация на Запад распахнули двери христианским миссионерам. Имея мощную финансовую основу и богатый опыт работы в западных странах по распространению своей религиозной культуры, они постепенно приобретают популярность среди монголов. Западные миссионеры привлекают все больше новых верующих, ведут службу на монгольском, русском и английском языках, оказывают финансовую помощь прихожанам, занимаются благотворительностью, молодых людей направляют на обучение за рубеж. В 1990 г. создается Союз христиан Монголии, открывается отделение Международного библейского общества, распространяющее среди монголов переведенные и изданные в Гонконге Новый Завет и «Историю Иеговы»¹¹. Христианские церкви основываются гражданами США, Англии, Германии, Южной Кореи, Японии и других стран. Основная масса христианских церквей расположена в Улан-Баторе и Эрдэнэте. Эти организации представлены главным образом баптистами, адвентистами, мормонами, пресвитерианами, свидетелями Иеговы, менонитами. С 2007 г. Министерство юстиции Монголии разрешает религиозную деятельность многим неохристианским группам, – например, таким как «Вечный свет», «Путь спасения», «Растущее будущее», «Новая жизнь», «Щедрая любовь»¹².

В монгольском обществе складывается определенный образ христианина. По данным мониторинга, в Ховдском аймаке респонденты характеризуют протестантов как религиозных – 43,2%, миролюбивых – 35,2%, предприимчивых – 17,4%, агрессивных – 14,2% людей. 49,7% опрошенных отметили, что протестантов от представителей других вероисповеданий отличают их религиозные традиции, 33,9% – образ жизни и 24,8% – нравственные качества. Судя по ответам респондентов, последователи протестантских направлений не сталкиваются с какими-либо трудностями в исповедании своей веры. На вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что Ваш близкий родственник или знакомый станет протестантом?» – 28,7% респондентов ответили, что не видят в этом ничего плохого, а 13,5% человека отреагировали отрицательно. 11,6% опрошенных лиц не исключают возможность принятия этой религии. Социально-демографический состав

христианских общин – молодежь и интеллигенция. Большой интерес монгольского общества к христианству свидетельствует об определенном расширении культурной и национальной идентичности. Монгольские христиане не только мыслят себя частью монгольского общества, но и частью христианского мира. В результате можно говорить о формировании религиозной ситуации, имеющей свою специфику, которая связана с проникновением в Монголию христианских проповедников протестантской направленности.

Результаты анкетирования в Баян-Ульги можно отметить, что у населения формируется представление о протестантах как о людях трудолюбивых – 49,5% (141 человек), миролюбивых – 34% (97), религиозных – 21,8% (62). В то же время можно говорить только о поверхностном знакомстве жителей аймака с протестантскими миссионерами, так как 24,2% (69 человек) опрошенных не знают даже сути исповедуемых теми учения (второе место из числа всех респондентов). Именно в результате этого 72 (25,3%) человека, принявших участие в опросе, не видят ничего плохого, если их родственник станет протестантом, а 54 (18,9%) затруднились ответить на этот вопрос. В то же время 20,7% (59 человек) респондентов отнеслись бы отрицательно к браку с протестантами. В целом около 28% опрошенных относятся к деятельности протестантских миссионеров на территории аймака позитивно, хотя почти 19% респондентов выступают категорически против распространения данного направления.

Следует также подчеркнуть, что население Баян-Ульгийского аймака ревностно относится к вопросам религии. В табл. 7 представлено распределение ответов респондентов на вопрос об отношении к появлению представителей незнакомых религиозных организаций.

Таблица 7

Отношение жителей Баян-Ульгийского аймака, исповедующих ислам, к представителям других религиозных движений

Мнения респондентов	% от общего числа опрошенных
Относятся положительно	17,2
Относятся отрицательно	44,9
Затруднились ответить	31,9
Не ответили	6

Из приведенных данных видно, что почти 45% опрошенных относятся к появлению новых религиозных движений негативно. Особенно ревностно в этом отношении настроены представители молодого поколения в возрасте от 16 до 21 года (48,5% опрошенных).

Интересно отметить также, что, несмотря на близость и сотрудничество с Россией, православие считается самой немногочисленной в Монголии конфессией. Всего в государстве насчитывается менее 1% представителей Русской православной церкви, в основном это русское население. В Баян-Ульгийском аймаке из числа опрашиваемых только один человек отнес себя к православным. При этом 34% (97 человек) опрошенных не возражают против проживания православных в их поселке, 25,3% (72) предпочли бы не видеть их в своем поселке, а 26,3% (75) считают их не лучше и не хуже представителей других конфессий. Близкие результаты получены и по Ховдскому аймаку, где 34,2% опрошенных отметили, что общение с православными в целом позитивно влияет на духовную и материальную культуру монголов. В то же время около 25,8% респондентов подчеркнули, что они предпочли бы не видеть православных в своем поселке. Наиболее терпимы к русским людям, исповедующим православие, представители старшего поколения, которые признают, что русские

уважают язык и культуру монгольского народа, поэтому и не возражают против их проживания на территории своих поселков. При этом основная масса населения Баян-Ульги затруднилась ответить на вопрос о влиянии русских на их материальную и духовную культуру (табл. 8).

Таблица 8

Жители Баян-Ульгийского аймака о влиянии русского населения на материальную и духовную культуру народов Монголии

Мнения респондентов	% от общего числа опрошенных
Позитивное влияние	28,1
Негативное влияние	26,3
Затруднились ответить	39,6
Не ответили	3,9

Следует обратить особое внимание на то, что население Западной Монголии еще плохо знакомо с нетрадиционными для данного региона религиозными движениями. Из приведенного в анкете перечня движений (Свидетели Иеговы, пятидесятники, кришнаиты (вайшнавцы), баптисты, Церковь сайентологии, мормоны, вера Бахаи, Фалунь Дафа, Аят Фархата Аты, культ Сатья Сая Бабы, Сахаджа Йога) 70% респондентов указали, что ни с одной из них не знакомы и не слышали о них. При этом как отмечено выше, определенную деятельность в регионе уже развернули некоторые из перечисленных движений, прежде всего неохристианских.

Религия и государственная власть на протяжении всей истории существования Монгольского государства находились в тесном взаимодействии. Даже в 1921 г., когда в стране победила Народная революция, не пошатнулась власть теократического правителя Богдо-хана, который до конца своих дней оставался и светским, и духовным вдохновителем монгольского народа. С 1924 г. правительство стало отходить от религиозности в связи со строительством социалистического государства. Однако с 1986 г. в Монголии, как и в других странах социалистического блока, начинают принимать меры, направленные на устранение ограничений в свободе совести и восстановление традиционных для монголов религий. Несмотря на то, что в Монголии нет понятия «государственная религия», в «Законе о свободе совести» (1993 г.) господствующее положение отводится буддийской религии. По данному закону определенную протекцию со стороны государства получили ислам и шаманизм. С 1995 г., когда были приняты поправки к Закону «Об отношениях между государством и Церковью», наметились значительные послабления со стороны государства и в отношении западных вероисповеданий, прежде всего протестантских.

Таким образом, проведенное исследование выявило особенности конфессиональной ситуации в Монгольском Алтае. Следует подчеркнуть, что сходные тенденции отмечаются и при изучении религиозных процессов на территории Российского Алтая. Кроме наличия мировых религиозных систем (буддизм, православие, ислам, традиционные верования алтайцев), на эту территорию осуществляется интенсивное проникновение религиозных групп различной направленности (неохристианской, неоориенталистской, мистико-эзотерической, языческой), а это разного рода духовно-религиозные группы, культы т.п.¹³. В целом, наметившаяся в мире трансформация религиозной динамики на современном этапе обуславливает и специфику региональных проблем данных регионов. Соотношение мировых и традиционных религиозных систем определяется, с одной стороны, вероисповедной политикой России и Монголии, а с другой, – масштабным движением миссионерства XX–XXI вв., прежде всего протестантских направлений, несущих ценности западной потребительской культуры. В этом отно-

шении вполне оправданы опасения ученых, что активный процесс формирования надэтнической протестантской идентичности, зафиксированный в последние годы у традиционных народов Южной Сибири, приведет к исчезновению традиционной культуры населяющих ее этносов¹⁴.

Конфессиональные процессы, происходящие на указанных территориях, заставляют задуматься не только о национальной, но и о духовной безопасности стран, частью которых они являются. Внутренняя политика двух стран в сфере свободы совести и вероисповедания должна учитывать многие аспекты деятельности зарубежного миссионерства. Религиозное возрождение влияет на все стороны общественной жизни, вызывает к жизни множество проблем, которые требуют внимания органов государственной власти, местного самоуправления и правоохранительной системы. Перед самими религиозными организациями и мировым сообществом стоит проблема сосуществования разных культур и религий в одном социальном пространстве, одной из первоочередных задач является выработка оптимального механизма ее разрешения.

Библиографический список

Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. – 168 с.

Дашковский П.К. Элементы религиозного синкретизма у населения Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху поздней древности // Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 48-61.

Жуковская Н.Л. Монголы // Народы и религии мир. – М.: Наука, 1998. – С. 350-351.

Зиновьев В.В. Угроза исламского экстремизма в Центральной Азии // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С.47–53.

Ковальчук Ю.С. Корейский протестантизм и его миссионерские практики в азиатской части Российской Федерации. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2008. – 192 с.

Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. – Л.: Наука, 1978. – Вып. 2. – С. 76-85.8.

Литвинский Б.А. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. – М.: Наука, 1992а. – С. 427–507.

Литвинский Б.А. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. – М.: Наука, 1992б. – С. 508-532.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм с древности до XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1980. – 320 с.

Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 121–137.

Нургазина Н.Д. Ислам в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Изд-во «Фараб», 2000. – 312 с.

Скородумова Л.Г. Буддизм в современной Монголии (проблема сохранения религиозной идентичности) // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Вторые Доржиевские чтения. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – 363 с.

Сухбаттар Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 62-67.

Тишков В.А. Опыт этнологического мониторинга. – М., ЕАВАРН, 2004. – 188 с.

Ярков А.Н. К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннем средневековье // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Азбука, 2010. – Вып. IV – С. 126–139.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г, «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»).

² Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм с древности до XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1980.

³ Дашковский П.К. Элементы религиозного синкретизма у населения Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху поздней древности // Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 48-61.

⁴ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности в Восточном Туркестане // С.Г. Кляшторный. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – С. 183-241; Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. – Л.: Наука, 1978. – Вып. 2. – С. 76-85; Литвинский Б.А. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. – М.: Наука, 1992а. – С. 427–507; Литвинский Б.А. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. – М.: Наука, 1992б. – С. 508-532; Литвинский Б.А. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии // Московское востоковедение: Очерки, исследования, разработки. – М.: Наука, 1997. – С. 53–78; Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 121–137; Сухбаттар Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 62-67 и др.

⁵ Нургазина Н.Д. Ислам в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Изд-во «Фараб», 2000. – 312 с.; Ярков А.Н. К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннем средневековье // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Азбука, 2010. – Вып. IV – С. 126–139.

⁶ Тишков В.А. Опыт этнологического мониторинга. – М., ЕАВАРН, 2004. – С. 9

⁷ Скородумова Л.Г. Буддизм в современной Монголии (проблема сохранения религиозной идентичности). // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – С. 142

⁸ Там же. – С. 143

⁹ Зиновьев В.В. Угроза исламского экстремизма в Центральной Азии // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С.47–53; Курныкин О.Ю. Исламский фактор в Казахстане: исторический опыт и современные реалии // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С.109–117.

¹⁰ Аюшева Д.В. Современный тибетский буддизм на Западе. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 122 с.

¹¹ Скородумова Л.Г. Буддизм в современной Монголии (проблема сохранения религиозной идентичности). // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 143.

¹² Пуревсурен Т. Этноконфессиональная ситуация в Ховдском аймаке Монголии и ее перспективы // Политологические и этноконфессиональные исследования в регионах. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та. 2009. – Т. II. – С. 309–314.

¹³ Кушнерик Р.А. О роли религиозного фактора в приграничных регионах (по материалам полевых исследований на территории Горного Алтая в 2004-2007 гг.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Азбука, 2007. – Вып. I. – С. 220–224.

¹⁴ Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. – 168 с.; Ковальчук Ю.С. Корейский протестантизм и его миссионерские практики в азиатской части Российской Федерации. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2008. – 192 с.